

В.В. Ефрем

**Памятники древней
письменности и искусства.**

**72. Посмертные чудеса
святителя Николая,
архиепископа Мир-
Ликийского чудотворца**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
В11

B11 **В.В. Ефрем**
Памятники древней письменности и искусства. 72. Посмертные чудеса святителя Николая, архиепископа Мир-Ликийского чудотворца / В.В. Ефрем – М.: Книга по Требованию, 2021. – 91 с.

ISBN 978-5-518-06492-8

Памятник древней русской письменности XI века. По пергаменной рукописи исхода XIV века библиотеки Троице-Сергиевой лавры, № 9

ISBN 978-5-518-06492-8

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

одного и того же русского писателя XI вѣка. Въ первой части, состоящей изъ 27 главъ, заключается собственно житіе, дѣянія и (пожизненныя) чудеса Святителя; оно есть переводъ древняго житія Святителя Николая, написанного въ V вѣкѣ по Р. Х. его правнукомъ, однимъ изъ старшихъ братій монастыря св. Сиона (близъ Муръ-Ликійскихъ), созданаго Святителемъ Николаемъ, въ коемъ онъ былъ первымъ настоятелемъ. Житіе это можетъ быть названо древнею лѣтописью Сіонской обители, ибо въ немъ повѣствуется подробно какъ о самомъ основаніи этой обители, такъ и о дальнѣйшой судьбѣ ея до самаго преставленія Святителя Николая, въ немъ погребеннаго. Вторая часть этого сочиненія состоитъ изъ 14 (въ некоторыхъ спискахъ 15) посмертныхъ чудесъ св. Николая. Эта часть и составляеть, вмѣстѣ съ обычно присоединенными къ ней двумя словами на 9 мая (день перенесенія мощей Святителя изъ Муръ-Ликійскихъ въ Баръ-градъ)—русское произведеніе, относящееся, какъ доказываетъ второе изъ этихъ словъ («Историческое сказание или повѣсть о перенесеніи мощей») къ 1090 году (доказательство сего см. ниже). Изъ числа описанныхъ въ этой части 14—15 чудесъ не четыре только (два константинопольскихъ и два кіевскихъ), которыхъ, какъ видно изъ данныхъ, въ нихъ заключающихся, были современны русскому ихъ описателю, но всѣ эти 14—15 описаній сихъ чудесъ принадлежать перу одного и того же писателя, хотя и были имъ описаны не въ одно и то же время (такъ, напримѣръ, современные автору два чуда: (6 и 7) случились въ Константинополѣ въ

пятидесятыхъ годахъ XI вѣка, а изъ двухъ кіевскихъ (13 и 14)—одно относится, по изслѣдованію нашего церковнаго историка преосвящен. Макарія, къ 1090 году, а другое вообще къ началу XI вѣка¹). Это доказываетъ одинаковость слога, оборотовъ рѣчи и употребленіе мѣстами одинаковыхъ выраженій и словъ. Стоитъ лишь прочесть внимательно эти чудеса по древнѣйшему (нынѣ печатаемому) списку (а не позднѣйшимъ, съ XVI вѣка, сильно поврежденнымъ произвольными измѣненіями и дополненіями, что особенно замѣтно въ московскомъ печатномъ изданіи 1640—1642), дабы убѣдиться, что это есть цѣльное русское произведеніе одного и того же писателя. Рѣчь живая, теплая, безъискусственная, не успѣвшая еще затмниться облаками еллинской премудрости. Какое рѣзкое различіе между этимъ сочиненіемъ и болѣе или менѣе современнымъ ему переводнымъ житіемъ того же Святителя Николая соч. Метафраста (начинающимся словами:

¹ Чудеса, по времени ихъ совершения, раздѣляются такъ: одно (8) относится, судя по упоминаемымъ въ немъ историческимъ лицамъ, къ III вѣку по Р. Х.; одно (11), по содержанію, скорѣе можетъ быть отнесено къ позижненнѣмъ (какъ у Метафраста), тѣль къ посмертнымъ чудесамъ, а слѣдовательно къ IV вѣку по Р. Х.; одно (3) не заключаетъ въ себѣ всѣхъ данныхъ для опредѣленія времени его совершения; два (4 и 5) относятся къ періоду владычества Арабовъ въ Сиріи (632—995); два (2 и 12)—къ періоду владѣнія Арабовъ Кротомъ (825—861); два константино-польскихъ неопредѣленного времени; одно (1), случившееся въ Исавріи — неизвѣстного времени; одно константинопольское относится къ 695—698. Вообще, четыре чуда, современные автору, относятся къ XI вѣку и девять къ предыдущимъ столѣтіямъ. Болѣе замѣчательны по содержанію и изложенію: 6—о коврѣ, 7—объ отрокѣ боярина Епифанія, 11—о трехъ дѣвичахъ, 13—о младенцѣ, утонувшемъ въ Днѣпрѣ, и 14—о Половчаниѣ.

«Мудра нѣкая веиць, животописець рука»...) Тутъ совершенно наоборотъ: рѣчъ тяжелая, искусственная; видна преобладающая надъ всѣмъ забота передать дословно мысль подлинника, безъ всякой заботы о чистотѣ языка и удобопонятности изложенія; тогда какъ рассматриваемое нами произведеніе, какъ въ первой части (переводной), такъ и во второй (оригинальной) составляетъ драгоценность для русской филологіи, какъ отличное пособіе для изученія нашей письменной рѣчи ея древнѣйшаго периода. Мнѣніе наше о цѣльности второй части подкрепляется еще тѣмъ, что въ описаніи кievскаго (послѣдняго изъ 14-ти) чуда о младенцѣ, утопшемъ въ Днѣпрѣ, авторъ, какъ бы возвращаясь воспоминаніемъ ко всему имъ вышенаписанному, влагаетъ въ уста скорбнаго, но глубоко вѣрующаго отца, при его молитвѣ къ Святителю, такія выраженія: «...ци, мнишь мя не вѣдающа твоихъ чудесъ?...» И засимъ въ однихъ спискахъ сокращено, а въ другихъ (одинъ исхода XV вѣка) пространно вспоминаетъ почти всѣ описанныя выше чудеса. Не доказываетъ ли это весьма ясно, что всѣ сіи чудеса несомнѣнно описаны однимъ и тѣмъ же писателемъ?

Перейдемъ къ изслѣдованію того, кто могъ быть авторомъ этого анонимнаго произведенія. Что это было лицо духовное—въ томъ нѣть никакого сомнѣнія: доказывается это способомъ выраженія о самомъ себѣ, носящемъ печать глубокаго иноческаго смиренія. Это же чувство помѣщало ему объявить свое имя потомству, какъ читаемъ въ послѣсловіи седьмаго чуда: «азъ же», говоритъ онъ о себѣ—«братіе и отцы, грѣшный и не-

достойный имени моего писанію предати». По счастію, въ самомъ описаніи есть та руководительная нить, взявшись за которую можно прійти къ заключенію объ имени автора, не только вѣроятному, но можно сказать—несомнѣнному. Такъ, въ чудѣ шестомъ, о коврѣ, писатель говоритъ, что оно совершилось при бытности его въ Царьградѣ («при моей худости»), «патріарху тогда сущему Михаилу». А въ слѣдующемъ (седьмомъ) чудѣ, объ отрокѣ болярина Епифанія, говорить, что боляринъ этотъ былъ почтенъ честію великою отъ царя Константина, и еще, что боляринъ ъездилъ купить себѣ отрока на торгъ «идѣже рустіи купцы челядь продаютъ». Патріархъ Михаилъ Керулларій (1043—1059) точно былъ при царѣ Константинѣ Мономахѣ (1042—1059). И такъ, въ то время, въ которое случились эти два чуда въ Царьградѣ, нашъ писатель былъ тамъ же и тамъ же, записать ихъ («да не предамъ ся (сія) забвенню»), равно какъ и прочія посмертныя чудеса Святителя Николая, о которыхъ онъ частію читалъ въ греческихъ записяхъ, а болѣе узналъ изъ устныхъ разсказовъ благочестивыхъ и книжныхъ мужей. Тогда же, движимый чувствомъ особой преданности къ Святителю Николаю, онъ перевелъ съ греческаго древнее житіе его (V вѣка).

Съ другой стороны известно, что въ то самое время, когда совершились въ Царьградѣ два вышеупомянутыхъ чуда, то-есть въ пятидесятыхъ годахъ XI столѣтія, проживалъ тамъ инокъ Печерскаго монастыря Ефремъ каженикъ, бывшій домоправителемъ Киевскаго Великаго Князя Изяслава, который былъ (вместѣ съ Варлаамомъ) однимъ

изъ первыхъ постриженниковъ пр. Антонія. Постриженіе Ефрема и Варлаама (сына одного изъ знатныхъ киевскихъ бояръ) безъ воли Великаго Князя, навлекло на пр. Антонія и его малое словесное стадо гнѣвъ Изяслава, и едва не сдѣлалось причиною удаленія изъ Киева пр. Антонія. Дѣло это устроилось. Но Ефремъ, конечно не безъ совѣта своего духовнаго наставника, счѣль необходимымъ удалиться на время изъ Киева въ Царьградъ. Это случилось вскорѣ по прошествіи 1054 года: «и ту, пишетъ пр. Несторъ въ житіи пр. Феодосія— живяще въ единомъ монастырѣ» (вѣроятно въ Студійскомъ). Есть свидѣтельство и о томъ, что проживая въ Царьградѣ Ефремъ занимался книжными трудами. Пр. Несторъ въ томъ же житіи пр. Феодосія пишетъ: «по сихъ (послѣ 1062 года) пр. Феодосій послалъ единаго отъ братій въ Константинъ-градъ къ Ефрему каженику, да весь уставъ Студійскаго монастыря списавъ принесеть ему», что и было исполнено. Ефремъ списалъ, то есть перевелъ уставъ съ греческаго языка на русскій, и послалъ его пр. Феодосію, самъ же остался въ Царьградѣ до 1072 года. Кто же, спрашиваемъ, могъ вѣроятнѣе Ефрема быть переводчикомъ житія и списателемъ чудесъ св. Николая, совершившихся въ бытность его, Ефрема, въ Царьградѣ? Это предположеніе было бы вполнѣ вѣроятно даже и въ такомъ случаѣ, если бы Ефремъ не имѣть никакого отношенія къ сему дѣлу, но мы увидимъ ниже, что переводъ житія и чудесъ Святителя Николая былъ для Ефрема лишь началомъ другаго дѣянія, имѣвшаго ближайшее отношеніе къ памяти великаго Святителя.

•Послѣди же, пишеть пр. Несторъ—Ефремъ извѣдеть въ страну сию (въ Кіевѣ), и поставленъ бысть епископомъ въ городѣ Переяславлѣ. Это случилось не ранѣе смерти Переяславскаго епископа Петра, который по хѣтоини еще упоминается въ 1072 году. И такъ, по этимъ свидѣтельствамъ, Ефремъ прожилъ въ Царьградѣ не менѣе восемнадцати лѣтъ (съ 1055—1073). Время достаточное какъ для совершенія разсматриваемаго нами труда, какъ переводной части (житія и дѣянія), такъ и посмертныхъ чудесъ Святителя Николая. Изъ самаго же состава этого сочиненія видно, что оно, будучи начато въ Царьградѣ, окончено въ Кіевѣ, присоединеніемъ къ нему двухъ собственно кіевскихъ чудесъ, изъ коихъ одно—о Половчинѣ—по примѣтамъ относится вообще къ XI вѣку, а другое, о спасеніи св. Николаемъ утопшаго въ Даѣпрѣ младенца, по вышесказанному—къ 1090 году, то-есть къ тому году, въ который совершено въ Барѣ градѣ второе перенесеніе мощей св. Николая (принесенныхъ туда въ 1087 году) изъ церкви Преображенія въ новосозданный во имя его храмъ, и положены оныя подъ мраморнымъ престоломъ сего храма. По этому слу-чаю и тѣмъ же писателемъ написано слово или повѣсть объ этомъ перенесеніи, обычно присоединяемая къ житію и чудесамъ св. Николая, наряду съ другимъ похваль-нымъ словомъ, основаннымъ на житії его, для чтенія обоихъ въ церкви въ день 9 мая, а конечно также и 6 декабря. Вообще говоря, связь сего сочиненія съ этимъ событиемъ очевидна. Оно окончено, то-есть переведено въ агиологическую форму, въ которой дошло до насъ

(житіе, чудеса и два слова) послѣ перенесенія мощей въ Баръ-градъ (1087) и установленія въ честь сего события церковнаго празднества 9 мая, въ 1090 году (о чемъ и повѣствуется въ вышеупомянутой повѣсти). Въ томъ же 1090 году, какъ сказано выше, случилось въ Кіевѣ чудо св. Николая съ иладенцемъ (чудо Николы Мокраго), усилившее въ русскомъ народѣ вѣру и благоговѣйное почитаніе къ искони чтимому и любимому Святителю.

Спрашивается, кто изъ русскихъ святителей и когда именно установилъ такое же церковное празднество у насъ на Руси? Незабвенный исторіографъ Н. М. Карамзинъ приписываетъ это, и по нашему мнѣнію справедливо—Ефрему, то-есть отнесъ это событие къ тому времени, когда Переяславскій епископъ Ефремъ, имѣвшій титулъ митрополита (1091—1096), управлялъ кіевскою митрополіею. Онъ то, какъ человѣкъ русскій и чтившій особенно память великаго Святителя, по сказаннымъ выше причинамъ, усиливши свою любовь къ нему переводомъ на русскій языкъ его житія и описаніемъ посмертныхъ чудесъ его древнихъ и при немъ въ Царыградѣ совершившихся, возвратясь въ Кіевъ и будучи (не позже 1073 года) поставленъ въ Переяславскіе епископы (причемъ пользовался титуломъ митрополита: «бѣ бо», пишетъ Несторъ—«прежъ митрополья въ Переяславлѣ»), придалъ своему произведенію агіологическую форму, и затѣмъ установилъ въ русской церкви праздникъ перенесенія мощей св. Николая, что, по вышесказанному, не могло случиться ранѣе 9 мая 1091 года

(ибо, по вышесказанному, и въ Баръ-градѣ праздникъ этотъ установленъ въ третій годъ по принесенію туда мощей Святителя, а именно въ 1090 году), и по смерти немощнаго тѣломъ и духомъ митрополита грека Іоанна II.

Въ теченіи пятилѣтняго управлениія Ефрема кіевскою митрополіею (съ 1091 — 1096) празднество это, приходившееся по сердцу русскому народу, такъ успѣло утвердиться на святой Руси, что прибылій въ Кіевъ изъ Греціи въ 1097 году, по смерти Ефрема, митрополитъ грекъ, притомъ же носившій имя великаго Святителя, уже не посмѣль, если бы и вздумалъ — отмѣнить праздникъ, на установленіе котораго Ефремъ едва ли испрашивалъ разрѣшенія у константинопольскаго патріарха, такъ какъ ему, жившему долго въ Царыградѣ, не могло быть неизвѣстно, что у грековъ не было этого праздника, и они, какъ нынѣ, такъ и тогда — считали перенесеніе мощей Святителя «въ страну латинскую» себѣ въ укоризну. Не обратить на это обстоятельство особаго вниманія могъ рѣшиться только человѣкъ глубоко благоговѣійный и родолюбецъ, а таковыми именно наши лѣтописные извѣстія и изображаютъ Ефрема, почтеннаго церковю именемъ святаго. Онъ скончался въ 1096 году и погребенъ въ кіевскихъ пещерахъ.

Почтимъ же признательностью память сего святителя-патріота, родолюбца, который и какъ писатель-аіографъ, послѣ обнаруженія нами его труда, долженъ занять въ будущихъ обзорахъ нашей древней литературы принадлежащее ему по праву мѣсто между своими современниками; никакомъ Іаковомъ и Несторомъ лѣтописцемъ.

Къ настоящему изданию произведенія св. Ефрема присоединяемъ древнюю службу на перенесеніе мощей Святителя Николая (стихиры и канонъ) по списку исхода XV вѣка (изъ библіотеки графа А. С. Уварова). Служба эта очевидно написана по случаю установленія у насть праздника перенесенія мощей, и по самому языку носить печать древности; авторомъ ея можно признать или того же св. Ефрема, или его современника, печерскаго инока Григорія творца каноновъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что и Болгарская церковь въ XIII вѣкѣ имѣла у себя праздникъ 9 мая. Это видно изъ мѣсяцослова при Четвероевангеліи юсowego болгарского письма исхода XIII вѣка, вывезенного изъ лавры Саввы освященнаго въ тридцатыхъ годахъ А. С. Норовыи и находящагося нынѣ въ Порѣчской библіотекѣ покойнаго графа А. С. Уварова. Въ этомъ мѣсяцословѣ значится всего три болгарскихъ праздника: 14 февраля — пр. Кирилла учителя Славянъ; 19 октября — пр. Иоанна Рыльскаго, и 9 мая — перенесеніе мощемъ св. Николы. Болгарское царство покорено было византійскимъ императоромъ въ 1018 году и возстановилось вторично лишь въ 1186 году Асѣнемъ и братьями его; изъ этого и приходится заключить, что Болгарская церковь ввела у себя это празднество уже послѣ 1186 года, слѣдя примѣру нашей церкви.

Одинъ изъ современныхъ филологовъ въ «Обзорѣ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ», встрѣтивъ въ одномъ изъ сборниковъ отрывокъ раз-

сматриваемаго сочиненія (киевское чудо «Николы Мокраго») и будучи пораженъ величественною простотою и вмѣстѣ художественностью этого перла нашей древней письменности (1090) съ нескрываемымъ восторгомъ отзываются о немъ такъ: «Мы не знаемъ иного примѣра, въ цѣлой нашей литературѣ едва-ли найдемъ сочиненіе, гдѣ бы столь вѣрно и столь наглядно представлены были самолюбивые инстинкты (русскаго человѣка), идущіе рядомъ съ безграничною преданностію и довѣріемъ¹, или свойственные русской природѣ скептическія начала, идущія рука объ руку съ самою простодушною готовностью жертвовать всѣмъ, какъ это сдѣлано въ этихъ характеристическихъ, какъ бы вырвавшихся изъ души народной словахъ и мысляхъ, посредствомъ которыхъ неизвѣстный намъ по имени авторъ-психологъ изображаетъ горестную печаль жалѣющаго о потерѣ единственного дитяти кіевлянина. Немногія безыскусственные слова несчастнаго, осиротѣлага отца содер-жать самую лучшую характеристику тѣхъ дивныхъ, логически какъ бы противорѣчивыхъ, а все таки психологически совмѣстныхъ и вполнѣ сообразныхъ русской природѣ, въ силу которыхъ мы были въ состояніи на самыя трудныя эпохи нашей исторіи не только отстоять

¹) При посѣщеніи кіевскихъ пещеръ нельзя не замѣтить и теперь этого же особеннаго свойства въ обращеніи русскихъ людей съ похороненными въ пещерахъ этихъ святыми, которые и теперь считаются какъ бы хорошими знакомыми, друзьями и заступниками православнаго народа, тогда какъ католические святые окружены какою-то грозою величія: къ нимъ позволяютъ приближаться не часто и не безъ особеннаго трепета и страха.